

Мафии и партмафия на перекрестке культур

Статья И. За дорожного поднимает очень важный вопрос о будущем нашей страны, стоящей на перекрестке цивилизаций. Российская империя, расширяясь, захватила не только все восточное славянство (крещенное Византией), но и часть западнохристианского мира и часть мира ислама. В прошлом такие империи рано или поздно распадались, а границы культурных миров восстанавливались. Ближайший пример — распад Османской империи, не удержавшей своих христианских подданных. Однако в нынешнем мире идет новый глобальный процесс интеграции — движение к всемирной коалиции культур, особенно очевидное на Дальнем Востоке, где Япония, а за ней Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг стали лидерами развития в западном смысле слова, ничуть не потеряв ни своего национального, ни общего для них регионального своеобразия (по-видимому, первым вступившего с христианским в некую «коалицию коалиций»). У нас все еще существует Советский Союз, основанный на убеждении, что никакой проблемы культурных миров нет, а есть отсталые феодалы, разлагающиеся буржуи и передовые пролетарии (не имеющие отечества) и что люди разных племен сольются в одном советском народе (почему-то с русским языком). Эту последнюю тезу непобедимого учения выразила неофициальная частушка:

Хорошо, что ваш Гагарин Не
еврей и не татарин, Не
грузин и не узбек, А
советский человек.

Крах веры в светлое будущее все разрушал. Восточные славяне стали возвращаться к христианству, а тюркские и иранские народы — к исламу. Что из этого получится?

Исходная точка — липовый интернационализм поздней советской системы. Ленин собрал воедино обломки Российской империи под знаменем коммунистического интернационализма (заменившего веру в единого Бога). В 1917-м, после чудовищной мировой бойни, развязанной националистами, это сработало. Национализм тогда пах ипритом. Но за 20 лет, прошедших после победы Октября, ужасы национальной резни забылись, померкли, и в 1941 г. за невоплотившийся, бумажный интернационал мало кто хотел сражаться. Пришлось опереться на традиционный русский патриотизм. В конце концов сложилась неудобоваримая смесь идей,

Померанц Г. С. — философ, культуролог.

которую я определил (в конце 60-х) как «национализм для русских, интернационализм для чехов». Интернационализм использовался тогда (а также позже) как кляп, засунутый в рот жертве, чтобы она не трепыхалась, когда ей суют «руку помощи». Дома же его называли безродным космополитизмом. И когда началось демократическое движение, сусловское руководство, раскалывая интеллигенцию, стало форсировать юдофобство. Правящие круги не понимали, что они закладывали под здание советской империи бомбу замедленного действия, что ксенофобия заразительна и непременно примет антиимперский и антирусский характер. Я писал об этом еще в 70-е годы, но меня никто не слушал.

Мы живем в мире, где все империи распались,— это первый факт; где происходит интеграция Европы и складывается сверхконфедерация, уже сегодня осязаемая в отношениях Запада и Дальнего Востока,—это факт второй. И где с опозданием и взрывами изжитого в Европе национализма идет формирование наций Азии и Африки наряду с довольно беспомощными попытками паннациональных объединений (пантюркизм, панарабизм, панафриканизм) и объединений религиозных (панисламизм) — это факт третий.

В нашей прессе свершен был обряд «скрещивания порося и карася»: панарабизм и панафриканизм, направленные против Запада, стали называться «движениями солидарности», а пантюркизм и панисламизм, угрожающие советскому строю, остались бранными кличками. Этот трюк разваливается при первом знакомстве с иностранными журналами (которые, впрочем, почти никто не читает). На самом деле, пантюркизм ничуть не хуже, чем панарабизм или (если взять европейские примеры) панславизм и пангерманизм. Судя по опыту Европы, панславизм не помирил русских с поляками, пангерманизм не увлек скандинавов. Паннационализм представляет собой туманное идеологическое явление, облако слов вокруг первых шагов незрелых наций — бывших племен • царств, перестраивающихся в нации, в открытые общности с известной этнической окраской, но не строго этнические и находящиеся в постоянной переключке с другими участниками «концерта наций».

Когда нации складываются окончательно, паннациональные объединения теряют смысл. В Европе они выдохлись — так случилось с пангерманизмом и панславизмом. В европейском «концерте» участвуют в романские, и германские, и славянские, и угро-финские народы. Другое дело — панисламизм. Это своего рода мусульманский экуменизм, не менее оправданный, чем христианский экуменизм. Вопрос лишь в том, сохранит ли он антизападный характер или, напротив, будет искать взаимопонимания с прочими «народами книги» (монотеистами) и другими религиями?

На сегодняшний день сплав пантюркизма с панисламизмом — это идеология, быстро захватывающая массы, хотя опросы рядовых азербайджанцев показали совершенное незнание ими того, что сказано в Коране, и чем шийя отличается от сунны. Впрочем, точно так же рядовой армянин не может объяснить, чем его церковь отличается от православной. В Сумгаите погромщики кричали: «Мусульмане, гасите свет!» (громиле квартиры, где свет не погашен). В Опт резали друг друга единоверцы. Великие религиозные традиции поднявшиеся над родом и племенем, едва слышны. Осталась только смутная память о «вере отцов» (не живой дух, а память о духе; недаром одно из агрессивных националистических обществ называется «Память»).

Представление о новой идеологии дает письмо Гаида Херисчи, опубликованное в журнале «Век XX и мир»: «После второй мировой войны в учреждении ООН в мире создана эффективная система внешней безопасности каждой страны. Да, времена войн, вернее, внешних войн,

ушли. Они сейчас невозможны. Взамен этого во многих странах мира вспыхивают, если можно так выразиться, «внутренние войны» (Кашмир, ливанские столкновения, Карабах, курдские проблемы, албанский вопрос, Палестина и др.), решить которые очень трудно. Думаю, что в истории мира наступает пора именно этих «внутренних войн», которые со временем появятся во многих странах мира. Это какое-то мистическое, общемировое явление, перед которым наш мир со всеми своими законами, указами, армиями, понятиями окажется бессильным. «Внутренние войны» покажут нам всю ничтожность «государственных понятий» и заставят нас глубоко задуматься над многими проблемами типа «государство, родина, религия, общечеловеческие понятия» и др. Я думаю, это — что-то, идущее от Бога.

..Сейчас, когда все европейские нации говорят о единстве, никто не укоряет их в панхристианстве, паневропеизме и т. д., но это почему-то считается чем-то плохим, негативным для Востока, для тюркского мира. Неужели мы уже находимся за баррикадами? Когда ливанский генерал Аун тысячами убивал мусульман, папа римский молчал, а когда им было убито более восьмисот христиан, Рим сразу пригрозил ему отлучением от церкви и приостановил внутрехристианские распри в Ливане.

В ООН мусульманские страны лишены права вето, все мировые юридические, правовые законы основаны и развиты на основе Библии и Евангелия, им чужд сам дух Корана. Вся современная сущность демократии тоже питается из основных принципов христианства. Она не удосужилась что-то взять из мусульманского права. Я думаю, что именно отсюда исходит отчужденность большинства мусульманских народов от принципов демократии... Иногда мне кажется, что ислам и христианство можно объяснить, только исходя из теории бинарных оппозиций Леви-Стросса. Они никогда не сойдутся, они навечно разделены друг с другом. С каждым годом это чувство у меня усиливается, и я испытываю большой страх за будущее нашей планеты. После трагических событий в Баку последовали страдания мусульман в Таджикистане, Узбекистане, в Кашмире. Но Запад на все это не реагирует. Это наносит глубокие раны душам мусульман. Они, я думаю, все меньше надеются на справедливость со стороны Запада. В этом вся трагедия. Но это *ваши*, а не наша трагедия...»¹.

Я привел большую цитату, чтобы показать, что характер современного противостояния — идеологический. Всякая идеология как-то отражает реальность. Всякая идеология эту реальность искажает, заостряет, придает фактам односторонний характер. Комментируя взгляды Гаида Херисчи, Алексей Журавский справедливо возражает: «И христианам, и мусульманам всегда было присуще сознание определенной духовной общности, восходящей к единому источнику ближневосточной авраамической традиции... Я убежден, что будущее не за «большой» традицией взаимного недоверия и анафем, а... за «малой традицией открытости и диалога»². Можно прибавить, что великие судии (Ибн ал Фарид, Джелаледдин Руми и др.) никакой пропасти между «народами книги» не чувствовали. Нынешнее противостояние укоренено не столько в вечности, сколько во времени. Но противостояние это реально.

Роковой оказалась несовместимость между раз и навсегда установленным миром ценностей ислама и постоянно меняющимся, текучим, изменчивым «открытым обществом», в котором личность предоставлена самой себе и сама прокладывает свой путь. Дело здесь не в христианстве. Во всяком случае, фундаменталистское православие противостоит Западу не

¹ «Век XX и мир», 1991, № 1, с. 10-11.

² Там же, с. 12.

менее, чем фундаменталистский ислам, л буддистская Япония чувствует себя на Западе, как дома. Думаю, что плюрализм Запада сложился еще до христианства; его корни восходят к римскому праву, к греческой философии и «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха. Но западное христианство к плюрализму постепенно приспособилось, восточное христианство и ислам не научились видеть единый дух в быстро меняющихся обликах. Херисчи так же хочет обособиться от мирового исторического процесса, как Солженицын в своем «Письме вождям» и в проекте обустройства России. Это не их личная причуда. Это чувство десятков, а может быть, сотен миллионов людей, балансирующих в современности, как на разъезжающихся бревнах, несущихся по бурной реке. Миллионы людей (а не только Херисчи) тяготеют к «отстойнику» (Солженицын), к какой-то резервации, в которой русский дух (или исламский дух), обособившись от глобальной разноголосицы, вернется к самому себе...

Думаю, что в ближайшие десятилетия будут действовать обе тенденции: и стягивание в открытое общество, и протест против него. Личность архаического Склада тяготеет к архаическому или утопическому «мы» и увлекает за собой аморфную безличность, готовую влиться в любую форму. Ночной разговор Шатова со Ставроганым вызывает восторг неопитов. Этот порыв очень далек от вселенского духа, который равно чувствовали мусульманские и христианские мистики, и только условно может быть облачен в одежды религиозного правоверия.

Борьба двух направлений глухо, подпольно шла (в самиздате и тамиздате) и в самые застойные брежневские времена³. Рыночные отношения не вносят ничего существенно нового, они только позволяют материализовать, выявить то, что фактически уже сложилось.

Анализируя эти перспективы, И. Задорожный делает одну ошибку, «вязанную, по-видимому, с расплывчатостью термина «цивилизация». Он ставит в один ряд иудаизм и ислам. Но иудаизм никогда не создавал коалиции культур, культурного мира (подобного христианскому миру, миру ислама, индуистско-буддийскому миру Южной Азии и конфуцианско-буддийскому миру Дальнего Востока). Это религия одного из народов диаспоры, способного ужиться в любом мире. Проблема здесь только в традиции создавать из человека диаспоры образ врага: из еврея, армянина, зарубежного китайца. Сравни турецкую поговорку: «Бог создал зайца, змею и армянина». Тот же стереотип, что у юдофобов. Иначе говоря, проблема в диаспоре, а вовсе не в иудаизме или армянском монофизитстве. Не думаю, чтобы люди, не любящие армян, могли объяснить, что такое монофизитство... И перемена веры ничего не меняет. Убийство о.Александра Меня, выдающегося православного священника,— достаточно убедительное свидетельство. Средний обыватель не любит кавказцев, потому что они дорого берут за мандарины, а интеллигент становится юдофобом, потому что надо ведь на кого-то свалить неудачный прыжок в Утопию. И другого подходящего козла отпущения просто нет.

К сожалению, И. Задорожный несколько запутался в этих играх. Он принимает всерьез раскрытие партийных псевдонимов ленинских помощников (как будто они, а не Ленин, определили политику большевиков) и не видит стоящей за «Нашим современником» и «Молодой гвардией» партмафии, сознательно направляющей народный гнев в сторону от своих дворцов. Возникает иллюзия еврейской проблемы, которой на самом деле нет (евреи не добиваются никаких особых прав). А между тем есть огромная реальная проблема — конфликт культур на стыке христианского мира с миром ислама. Здесь Херисчи, к сожалению, прав. Всюду, где мусульма-

³ См. мою квоту «Сны земли», Париж, 1985.

не оказались в одних границах с неиусульманами, кипят «внутренние войны». Сумеет ли мы их остановить? И каким способом?

Мне кажется, что какие-то очень влиятельные круги действительно ведут игру по одному из сценариев И. Задорожного, т. е. хотят скрепить империю общей ненавистью православных и мусульман к народам диаспоры. Первой жертвой стали армяне. Снова, как в 1919—1921 годах, Армения сделалась разменной монетой в восточной политике. Центральное телевидение стилизует образ армянина по классическим юдофобским образцам (чего стоит, например, сюжет о якобы массовой скупке армянам» ростовского масла, переданный ЦТ после отказа Армении подписать Союзный договор и вскоре разоблаченный «Московскими новостями»). Эта кампания — прямое продолжение традиционной для большевизма политики единства на основе общей ненависти (к буржуям, кулакам, вредителям, немцам, сионистам и т. п.). Нет ничего удивительного, что большевика остались большевиками и пытаются выйти из кризиса большевизма большевистскими методами.

Пропаганда ненависти — вещь опасная. Общая атмосфера ненависти и жажды кому-то за что-то отомстить угрожает незапланированными ударами молнии. С этой точки зрения меня беспокоит газетная и журнальная кампания против мафии. Кампания эта явно направляется партмафией. Например, народное движение в Армении, напомнившее о нерешенных национальных проблемах, пытались отождествить с мафией. Арестовали комитет «Карабах», вели следствие — и ничего не нашли. Пришлось «позором прикрыть новое «дело врачей-убийц».

Мафия — слово итальянское, и явление это тоже итальянское. Главные гнезда мафии — на отсталом юге (примерно как у нас). Но партмафия в Италии нет. И несмотря на мафию, Италия быстро богатеет. Есть мафия в США. И опять-таки, это зло не так уж велико. Пожалуй, оно меньше портит жизнь американцам, чем другие социальные болезни.

Думаю, что и у нас в стране главное зло — не в мафии, а в партмафии. И главная проблема — денартизация всех правящих структур и ликвидация телефонного права. Пусть с мафией сражаются беспартийные следователи и газеты, свободные от партийного контроля. И хотя вряд ли им удастся победить, но как-то ограничить власть мафии, хотя бы до уровня «мафиозных» стран Запада, я думаю, вполне возможно. С мафией, как с незлокачественной опухолью, как-то можно жить. Социальный организм убивает только партмафия.